

М. РОЖКОВА

О круге денежных обязательств, значимых для определения наличия признаков банкротства

Согласно ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) несостоятельность (банкротство) есть признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Данная формулировка признается основополагающей для определения тех требований, которые позволяют кредитору обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника: это требования только по денежным обязательствам (требования кредиторов по неденежным обязательствам не дают повода инициировать процесс банкротства должника)¹.

Из формулировок той же ст. 2 Закона о банкротстве (в действующей редакции) следует, что для целей настоящего Закона под денежным обязательством понимается «обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом Российской Федерации, бюджетным законодательством Российской Федерации основанию». Цитируя данную формулировку Закона, большинство авторов обычно подвергают анализу понятие «денежное обязательство», применяемое законодательством о банкротстве, в сравнении с тем же понятием, используемым ГК РФ. Не желая нарушать сложившуюся традицию, проведем сопоставительный анализ упомянутых понятий, что, кстати, серьезно затрудняется отсутствием в ГК РФ легальной дефиниции понятия «денежное обязательство».

Понятие денежного обязательства,
применяемое в гражданском праве

Суть всякого денежного обязательства состоит в уплате денежных средств (платеже). Его определяющим признаком, как подчеркивает Л.А. Новоселова, является «обязанность уплатить деньги: деньги используются в обязательстве в качестве средства погашения денежного долга, восстановления эквивалентности обмена, компенсации продавцу стоимости переданного им товара (в широком экономическом смысле этого понятия) либо компенсации понесенных им имущественных потерь»². Содержание денежного обязательства по смыслу гражданского права составляют: 1) право одного лица (кредитора) требовать уплаты денежной суммы и 2) соответствующая ему обязанность другого лица (должника) уплатить эту сумму. При этом, как указывал Л.А. Лунц, денежное обязательство возникает из различных гражданско-правовых оснований: оно может непосредственно вытекать из договора или закона – в качестве обязанности оплатить товар, или заплатить по векселю, или выплачивать денежное содержание (первоначальные денежные обязательства) – либо служить санкцией за неисполнение обязательства и, например, следовать из замены предмета обязательства уплатой денег (вторичные денежные обязательства)³. То есть как первоначальные характеризуются денежные обязательства, связанные, в частности, с оплатой товаров, работ, услуг, возмещением вреда или неосновательного обогащения, как вторичные - связанные с возмещением убытков или денежной компенсацией при замене ею предмета долга, уплатой неустойки, штрафа или пени, процентов за пользование чужими денежными средствами⁴.

Примечательно, что во многих случаях колебания доктрины и судебной практики в отношении применения норм гражданского законодательства о денежных обязательствах к тем или иным ситуациям связаны не с проблемой уяснения понятия денежности (вряд ли вызовет серьезные сложности выявление у обязанности такой цели, как платеж). В основном признанию той или иной обязанности по уплате денежных средств в качестве денежного обязательства препятствует инертное следование традиционной трактовке понятия обязательства как общественного отношения, урегулированного ст. 307 ГК РФ. Понимание денежного обязательства исключительно как одного из обязательств в дихотомическом делении на денежные и неденежные в принципе и создает трудности в признании денежным обязательством, например, обязанностей, связанных с возмещением убытков или уплатой неустойки, штрафа или пени и проч.

¹ Проблематика обязательных платежей вовсе не будет затрагиваться в настоящей работе.

² Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. М.: Статут, 2003. С. 24.

³ Лунц Л.А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран // Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 155.

⁴ Надо отметить, что в отношении обязательства о взыскании процентов годовых существует дискуссия о том, относить ли их к вторичным денежным обязательствам или рассматривать в качестве самостоятельных (т.е. первичных). Позиция автора настоящей работы в отношении природы этих процентов изложена в работе: Рожкова М.А. Внедоговорное обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами // Хозяйство и право. 2005. N 9. С. 105 – 110.

Между тем понятие «денежное обязательство» представляет собой самостоятельную правовую категорию, акцент при уяснении которой должен смещаться с понятия «обязательство» (которое здесь использовано в качестве обобщающего названия обязательств и гражданско-правовых обязанностей) в сторону его характеристики как «денежного». Именно «денежность» является определяющей для этой правовой категории, охватывающей и 1) обязательственные правоотношения в целом (например, отношения займа), и 2) отдельные обязательства в обязательственном правоотношении (например, обязательство по оплате товара в обязательственных отношениях по купле-продаже), и 3) обязанности, не являющиеся обязательствами (например, обязанность по уплате пени), общим для которых является их нацеленность на платеж (уплату денег).

Здесь же следует отметить, что нельзя априори относить то или иное обязательство к денежным или настаивать на отсутствии у него качества денежности. Так, согласно ст. 567 ГК РФ, по договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой, т.е. по общему правилу составляющие данное правоотношение обязательства не являются, конечно, денежными, поскольку не предполагают уплату каких-либо денежных сумм. Но небольшое изменение условий договора позволяет допустить существование денежного обязательства и в этом правоотношении. Например, В.В. Витрянский описывает следующую ситуацию: «...если из текста договора вытекает, что его предметом является обмен неравноценными товарами, на сторону, обязанную в соответствии с договором передать товар, цена которого ниже, чем цена товара, предлагаемого в обмен, возлагается дополнительная обязанность по оплате разницы в ценах на указанные товары»⁵. Отсюда следует вывод о допустимости выделения в обязательственном правоотношении, возникшем из договора мены, в том числе и денежных обязательств.

Исходя из самостоятельности правовой категории «денежное обязательство», следует подчеркнуть, что основания возникновения денежного обязательства значительно шире оснований возникновения собственно обязательства. Исходя из того, что денежное обязательство может возникнуть, по сути, из любого установленного гражданским правом основания, следует заметить, что основные источники его возникновения закреплены в ст. 8 ГК РФ, определяющей основания возникновения гражданских прав и обязанностей.

Понятие денежного обязательства, применяемое Законом о банкротстве

Принципиально иное содержание имеет понятие денежного обязательства, используемое законодательством о банкротстве. Основным определяющим признаком денежного обязательства (как оно трактуется в законодательстве о банкротстве) является обязанность должника уплатить кредитору денежную сумму, что, конечно, объединяет его с денежным обязательством (по смыслу гражданского права). И ранее нередко можно было встретить заключение о том, что «формулировки ГК РФ и Закона (Закона о банкротстве. - М.Р.) практически совпадают»⁶.

Между тем Федеральным законом от 26.04.2007 N 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» в определение денежного обязательства были внесены коррективы в части дополнения его указанием на бюджетное законодательство РФ. И теперь в качестве оснований возникновения денежного обязательства Закон о банкротстве (в действующей редакции) упоминает как предусмотренные ГК РФ, так и установленные бюджетным законодательством. Вследствие сказанного содержание денежного обязательства по смыслу Закона о банкротстве составляют возникшие из оснований, предусмотренных ГК РФ и бюджетным законодательством, 1) право одного лица (кредитора) требовать уплаты денежной суммы и 2) соответствующая ему обязанность другого лица (должника) уплатить эту сумму.

На первый взгляд есть основания говорить о том, что понятию «денежное обязательство» в законодательстве о банкротстве придан более широкий смысл, нежели оно имеет в гражданском праве. Но такое заключение было бы слишком поспешным и потому неверным. Заложена ст. 2 Закона о банкротстве обширность содержания понятия «денежное обязательство» затем стремительно сужается положениями его ст. 4 «Состав и размер денежных обязательств и обязательных платежей». Посредством уточнений и изъятий ст. 4 Закона о банкротстве ограничивает содержание понятия денежных обязательств, применяемого этим Законом, включая в круг денежных обязательств только значимые для определения наличия признаков банкротства должника. Проиллюстрируем это утверждение.

⁵ Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Фонд «Правовая культура»; Гардарика, 1996. С. 59.

⁶ См., например: Скуратовский М.Л. Конкурсное производство. Учебно-практический курс / Под ред. В.В. Яркова. СПб., 2006. С. 90.

В силу абз. 2 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства учитываются обязанности, связанные с уплатой: 1) задолженности за переданные товары, выполненные работы и оказанные услуги; 2) сумм займа с учетом подлежащих выплате процентов; 3) сумм неосновательного обогащения; 4) задолженности, возникшей вследствие причинения вреда имуществу кредитора. С позиций гражданского права данные обязанности, конечно, подпадают под понятие денежного обязательства; с позиций законодательства о банкротстве они признаются денежными обязательствами, значимыми для определения наличия признаков банкротства должника.

Иным образом оцениваются обязанности должника: 1) перед гражданами, перед которыми он несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, 2) по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, 3) по выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, 4) перед учредителями (участниками) должника, вытекающие из такого участия (абз. 2 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве). Данные обязанности по смыслу гражданского права, бесспорно, относятся к денежным обязательствам (за исключением обязанности должника по выплате выходных пособий и оплате труда: эта обязанность вытекает из оснований, устанавливаемых трудовым правом, что не дает отнести ее к денежным обязательствам; в литературе по этому поводу ведутся оживленные дискуссии). Другая позиция имеет место в законодательстве о банкротстве: признавая их денежными, Закон о банкротстве исключает эти обязанности из числа денежных обязательств, значимых для определения наличия признаков банкротства должника⁷.

Далее, абз. 4 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве (в действующей редакции) прямо запрещает при определении признаков банкротства учитывать обязательства, связанные с уплатой: 1) неустойки (штрафа, пени); 2) процентов за просрочку платежа; 3) убытков в виде упущенной выгоды; 4) иных имущественных и (или) финансовых санкций. С позиций гражданского права данные обязанности, вне сомнений, являются денежными обязательствами, тогда как Закон о банкротстве не относит эти обязанности к денежным обязательствам, значимым для определения наличия признаков банкротства должника⁸.

Таким образом, Закон о банкротстве устанавливает различные правовые режимы для денежных обязательств, значимых для определения наличия признаков банкротства должника и денежных обязательств, не учитываемых для определения наличия признаков банкротства должника. При этом термин «денежное обязательство» используется в законодательстве о банкротстве только для обозначения первой группы денежных обязательств - денежных обязательств, значимых для определения наличия признаков банкротства должника (далее - денежное обязательство по смыслу Закона о банкротстве).

Резюмируя сказанное, можно заключить, что понятия денежного обязательства, применяемые гражданским правом и законодательством о банкротстве, отнюдь не совпадают. Понятие денежного обязательства, применяемое гражданским правом, представляет собой самостоятельную гражданско-правовую категорию, которая охватывает все обязательства и обязанности, связанные с уплатой денег и возникающие из установленных гражданским правом оснований. Другим по смыслу является понятие денежного обязательства, применяемое законодательством о банкротстве: здесь это понятие употребляется только в значении «денежное обязательство, значимое для определения наличия признаков банкротства должника».

Серьезные сомнения вызывает правильность (и целесообразность) избранного законодателем подхода в части использования термина, обозначающего столь широкую гражданско-правовую категорию, для обозначения узкоспециального понятия, утилитарно используемого для нужд законодательства о банкротстве. Но вовсе отрицательной оценки заслуживает определение рассматриваемого понятия, закрепленное в ст. 2 Закона о банкротстве: оно не совпадает с понятием денежного обязательства, используемым гражданским правом, и при этом вовсе не отражает специфику содержания этого понятия, заложенного в него Законом о банкротстве. Такой законодательный подход неправильно ориентирует суды, рассматривающие дела о банкротстве, и заинтересованных лиц. Более того, он создает предпосылки для постоянных дискуссий относительно денежности того или иного обязательства, тогда как речь может идти относительно отнесения денежного обязательства к числу значимых для определения наличия признаков банкротства, то есть к числу денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве.

---

⁷ Размер этих обязательств не учитывается при определении наличия признаков банкротства, и обладающие требованиями по этим обязательствам кредиторы не вправе инициировать процесс банкротства. Однако сами эти требования подлежат учету в реестре требований кредиторов и в период конкурсного производства составляют две первые очереди требований, подлежащих удовлетворению в приоритетном порядке (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве).

⁸ Наличие требования по этим денежным обязательствам не наделяет кредитора возможностью обратиться с заявлением о банкротстве должника. При этом данные требования кредиторов учитываются отдельно в реестре требований кредиторов и подлежат удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов (п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве).

Резюме таково: понятие денежного обязательства, применяемое законодательством о банкротстве, есть специальное понятие, 1) содержание которого гораздо уже содержания понятия, применяемого гражданским правом, 2) суть которого выводится из совокупности нескольких норм Закона о банкротстве, 3) использование которого предусмотрено исключительно для целей этого Закона (что следует из смысла его ст. 2).

Круг денежных обязательств, значимых для определения признаков банкротства

Обозначив принципиальные различия между понятием денежного обязательства, применяемым гражданским правом, и понятием денежного обязательства, применяемым законодательством о банкротстве, нельзя обойти вниманием последствия неочевидности существования таких различий для теории и практики, что порождает дополнительные проблемы, которые не возникали бы, будь эти различия очевидными. Поясняя это утверждение, можно отметить следующее.

Статья 4 Закона о банкротстве в литературе и на практике трактуется обычно как исключаящая некоторые обязательства из числа денежных⁹. Как правило, придерживающиеся такой ее трактовки юристы видят решение проблемы в том, чтобы доказать денежность того или иного обязательства, обосновывая свои выводы ссылками на теорию гражданского права. Например, С. Карелина и М. Эрлих, основываясь на разработках по гражданскому праву, приходят к выводу о том, что обязанность по возмещению убытков есть денежное обязательство, вследствие чего обладающий требованием по этому денежному обязательству кредитор является конкурсным¹⁰. Далее они заключают, что в Законе о банкротстве имеет место коллизия, поскольку эти конкурсные кредиторы фактически таковыми не являются. Такой подход неверен, а выводы не имеют какой-либо практической ценности, поскольку проблема состоит не в том, чтобы установить денежность указанного обязательства: обязанность по возмещению убытков, бесспорно, является денежным обязательством по смыслу гражданского права, и Закон о банкротстве не исключает (да и не может исключить) ее из числа денежных обязательств. Проблемой является отсутствие ясности и определенности в отношении круга денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве, что приводит к противоречивости положений Закона о банкротстве, порождает различное толкование его норм, а в итоге препятствует адекватной защите прав кредиторов.

Проблема неопределенности, неясности круга названных денежных обязательств является прямым следствием небрежности законодателя, который определяет этот круг весьма неаккуратно. Так, на стадии разработки действующего Закона о банкротстве обсуждалась необходимость включения кредиторов, по денежным обязательствам о возмещении убытков в виде реального ущерба, в число конкурсных¹¹. Иными словами, решался вопрос о включении этого денежного обязательства в круг денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве.

К сожалению, решение вопроса оказалось «половинчатым». В ст. 4 Закона о банкротстве (в ранее действующей редакции) данное положение так и не нашло своего отражения¹². Однако при этом в п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве сохранилась норма о дифференциации требований о возмещении убытков (в целях их удовлетворения) на требования о возмещении реального ущерба, которые удовлетворяются вместе с требованиями конкурсных кредиторов третьей очереди, и требования о взыскании упущенной выгоды, которые подлежат удовлетворению после полного расчета с конкурсными кредиторами третьей очереди, включая требования о возмещении реального ущерба. Такое законодательное урегулирование породило на практике массу проблем.

Указания п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве (в ранее действующей редакции) позволяли теоретикам утверждать, что «убытки в части возмещения реального ущерба будут возмещаться в рамках 3-й очереди одновременно с требованиями в части уплаты основного долга»¹³, то есть, по сути, денежное обязательство о возмещении реального ущерба предлагалось рассматривать как денежное обязательство по смыслу Закона о банкротстве. Однако положение абз. 4 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве (в ранее действующей редакции), согласно которому убытки не подлежали учету для определения наличия признаков банкротства, диктовало иную позицию: такие денежные обязательства не могли рассматриваться как денежные обязательства по смыслу Закона о

⁹ См., например: Карелина С., Эрлих М. Разграничение денежных и неденежных обязательств в процессе несостоятельности (банкротства) // Корпоративный юрист. 2008. N 2. С. 50 - 54; Пустовалова Е.Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. М.: Статут, 2003. С. 16.

¹⁰ Карелина С., Эрлих М. Указ. соч.

¹¹ См.: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2003.

¹² Абзац 4 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве (в ранее действующей редакции) содержал указание на то, что убытки, подлежащие возмещению за неисполнение обязательства, не учитываются при определении наличия признаков банкротства.

¹³ Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 339.

банкротстве. В итоге судебная практика демонстрировала весьма противоречивые решения, и положение кредиторов, обладающих требованиями о возмещении убытков в виде реального ущерба, характеризовалось крайней неопределенностью.

Принятый недавно Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. N 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» изменил сложившуюся ситуацию, решив эту проблему. В действующей редакции Закон о банкротстве относит денежное обязательство о взыскании реального ущерба к денежным обязательствам по смыслу Закона о банкротстве. Это вытекает из текста абз. 4 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве: если ранее этот абзац предусматривал, что при определении признаков банкротства не подлежало учету любое денежное обязательство по возмещению убытков, то в действующей редакции Закона речь идет только о денежном обязательстве по возмещению упущенной выгоды. Изменение позиции подтверждает и абз. 2 п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве, который устанавливает, что для целей определения числа голосов на собрании кредиторов не учитываются убытки в виде упущенной выгоды (в ранее действующей редакции упоминались убытки, подлежащие возмещению за неисполнение обязательства). Таким образом, законодатель расширил круг денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве, включив в этот круг денежные обязательства по возмещению убытков.

Можно проиллюстрировать отсутствие определенности в отношении круга денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве и другим примером. Длительное время множество вопросов на практике было связано с обязанностью уплатить денежный эквивалент взамен обязательства, первоначальным предметом которого являлись вещи (например, реституционное требование о возврате вещи или об исполнении обязательства в натуре). С позиций гражданского права обязанность уплаты такого денежного эквивалента не вызывает сомнений: это вновь возникшее денежное обязательство. По-иному данная обязанность оценивалась с позиций законодательства о банкротстве.

Прежде всего следует отметить, что успешная трансформация существующего обязательства в денежное обязательство по смыслу, придаваемому ему гражданским правом (обязательство, связанное с возмещением денежного эквивалента), еще не переводила его в категорию денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве и, следовательно, не решала проблем этого кредитора¹⁴. Признанию же его денежным обязательством по смыслу Закона о банкротстве препятствовало отсутствие в ст. 4 Закона о банкротстве указания на то, что эти денежные обязательства должны учитываться при определении наличия признаков банкротства.

Судебная практика складывалась крайне неоднозначно, по-разному решая судьбу данных денежных обязательств, что ставило кредиторов по этим обязательствам в довольно сложное положение и заставляло искать различные способы выхода из создавшейся ситуации.

В таких условиях Высший Арбитражный Суд РФ для целей единообразия судебной практики разъяснил следующее¹⁵. Суммы, взысканные судом вместо причитавшегося кредитору исполнения обязательства в натуре (стоимость не переданной кредитору оплаченной им вещи, стоимость оплаченных, но не выполненных должником работ или услуг и др.), должны учитываться для определения наличия признаков банкротства. Такие требования подлежат включению в реестр требований кредиторов в качестве требований конкурсных кредиторов. Таким образом, ВАС РФ не перевел данное обязательство в число денежных, как это иногда указывается в литературе. Данным разъяснением Высший Арбитражный Суд РФ признал, что это денежное обязательство является денежным обязательством по смыслу Закона о банкротстве.

Подводя итоги, следует отметить, что непоследовательность, а то и обычная небрежность законодателя при определении круга денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве создает ситуации, в которых положение некоторых кредиторов является весьма неопределенным, а возможность эффективной защиты их прав становится почти эфемерной. Рассмотренные в настоящей статье законодательные новации и разъяснения высшей судебной инстанции нацелены на преодоление данных проблем, однако они не решают всех вопросов (вернее, решают их лишь частично). Думается, более правильным было бы обозначить общие подходы, определяющие порядок формирования круга денежных обязательств по смыслу Закона о банкротстве, либо назвать

---

¹⁴ Безусловно, первоначально это - неденежное обязательство, и кредитор по нему не может участвовать в процедуре банкротства. Такие требования подлежат судебной защите вне рамок дела о банкротстве - в исковом порядке (п. 5 ст. 4 Закона о банкротстве). Однако недостаток этого состоит в том, что с момента введения процедуры наблюдения в отношении должника исполнение исполнительных документов «по имущественным взысканиям» приостанавливается (за некоторым исключением). Вследствие указанного перед кредитором по такому обязательству обычно встает проблема преобразования его в денежное обязательство, и, если это оказывается невыполнимым, он ничего не получит в процедуре банкротства. Особо остро неравенство кредиторов по денежным обязательствам и неденежным проявляется в случаях банкротства компаний, строящих жилье. На это обращает внимание А.В. Егоров (см.: Егоров А.В. Банкротство организаций-застройщиков // Вестник ВАС РФ. 2007. N 4).

¹⁵ Пункт 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 N 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Такой же правовой режим имеют суммы, присужденные кредитору в связи с изменением способа или порядка исполнения судебного акта или акта иного органа.

критерии включения денежных обязательств в этот круг. Это создало бы для судов и заинтересованных лиц необходимые ориентиры. Такая задача могла бы быть успешно решена путем соответствующих разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ.